

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).031

История средневековых башкир в этногенетическом дискурсе Р.Г. Кузеева

А.В. Аксанов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Этногенетическая концепция Р.Г. Кузеева, согласно которой Белебеевско-Бугульминская возвышенность с конца I тысячелетия н. э. является территорией формирования башкирского народа, утвердилась в историографии, и уже несколько десятилетий разного рода исследователи и публицисты опираются на нее в своих изысканиях. Однако ее основные положения не верифицируются. Источники X–XV вв. не связывают средневековых башкир («башгарт», «баскарт», «пакатир») с территорией Белебеевско-Бугульминской возвышенности, а источники XVI в. локализуют башкир («башкирд», «башкирцев») в Пермском Прикамье. Состав и локализация этно-родовых подразделений средневековых башкир установлены Р.Г. Кузеевым на основе данных источников XVIII–XIX вв. Но данная экстраполяция осуществлена без учета значительных этносоциальных изменений, произошедших в XVII–XVIII вв. Поэтому очевидно, что концепция Р.Г. Кузеева не выдерживает научной критики и сложившиеся на ее основе представления об этногенезе средневековых башкир нуждаются в существенной корректировке.

Ключевые слова: Р.Г. Кузеев, средневековые башкиры, этногенез, родоплеменная структура, Белебеевско-Бугульминская возвышенность, Пермское Прикамье

Для цитирования: Аксанов А.В. История средневековых башкир в этногенетическом дискурсе Р.Г. Кузеева // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.167–178. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.167-178>

Р.Г. Кузеев начал разрабатывать свою концепцию этногенеза башкир еще в середине прошлого столетия и опубликовал солидное количество статей и книг, посвященных этой проблематике. В то же время вышло в свет множество работ описательного характера, в которых обозначается значительный вклад Р.Г. Кузеева в изучение истории башкир, положительно оценивается широкое использование башкирских шеджере и других материалов, анализируется его теория [2, с.5–7]. Впрочем, в некоторых работах есть и критические замечания относительно научных выводов Р.Г. Кузеева. Например, Л.П. Потапов в рецензии на книгу «Происхождение башкирского

народа. Этнический состав, история расселения (М., 1974)» писал о том, что «невозможно согласиться с Р.Г. Кузеевым о правомерности сопоставления этнонима "табын" с упоминаемыми в орхонских древне-тюркских надписях татаби», что «автору следовало обратить внимание на новые археологические материалы, приписываемые кимакам», так как «это позволит расширить наши представления о кимаках и их роли в кыпчакской среде и о проникновении их в район Башкирии» [19, с.155–156]. В адрес Р.Г. Кузеева высказывались и более концептуальные замечания, связанные с его частым обращением к данным археологии, этническую интерпретацию которых многие исследователи считали спорной. Также важную роль в исследованиях Р.Г. Кузеева играли данные антропологии, тогда как «этногенез и расогенез – это разные процессы, развивающиеся достаточно автономно друг от друга» [2, с.225]. Однако его научные взгляды не подвергались системной верификации, с точки зрения данных письменных источников. Поэтому предложенная им концепция истории башкир до сих пор остается базовой для многих ученых и публицистов.

Между тем коллеги и ученики Р.Г. Кузеева недвусмысленно указывали на ключевую роль общественно-политических факторов в формировании его научных концептов. По словам И.М. Габдрафикова, так как «советская концепция нацистроительства предполагала... научное обоснование этнических границ, происхождения титульных народов на «своих» территориях», Р.Г. Кузеевым была выдвинута идея о том, что территория Белебеевско-Бугульминской возвышенности была колыбелью башкирского народа. «Этот вывод должен был научно обосновать и подтвердить установленные советской властью административные границы» [5]. Поэтому Р.Г. Кузееву порой приходилось закрывать глаза на данные источников, не согласующиеся с его концепцией. Это особенно заметно при обращении к проблеме локализации Башкирского улуса Казанского ханства.

По мнению Р.Г. Кузеева, «башкирская территория, которая находилась под постоянным или длительным протекторатом казанских ханов..., ограничивалась средним и нижним течением Ика, долиной Мензели, низовьями р. Белой и прилегающими районами левобережья Камы» [13, с.482]. Показывая, что во времена Казанского ханства башкиры населяли северо-западную часть современного Башкортостана, Р.Г. Кузеев проигнорировал данные источников XV–XVI вв., которые описывают эту территорию. Согласно известиям Московского летописного свода конца XV в., С.Герберштейна (1549), Казанского летописца (1565), здесь не проживали башкиры и не находились их улусы. Эти и другие источники локализуют Башкирский улус Казанского ханства и башкир («башкирд»/«башкирцев») в другом месте. М.Меховский (1517), А.Кампензе (1523), Казанский летописец, А.М. Курбский (1573), Ногайские дела (1578) и летописи указывают на то, что они располагались к северо-востоку от Казани («за 700 верст») возле Великой Перми и Югры, в Пермском Прикамье [11, с.235–236].

Таким образом, в синхронных аутентичных источниках, в которых описывается район Акидел улуса («Беловоложской земли»), не содержатся упоминания о башкирах, при этом сохранились сообщения о проживании башкир в эпоху Казанского ханства в Пермском Прикамье. Как уже было сказано, первую группу доводов Р.Г. Кузеев проигнорировал, а вторую – посчитал описанием лишь северной части средневековых башкир. Причем в противовес этим текстуально независимым друг от друга¹ сведениям, имеющим высокую степень достоверности, ученый привел лишь некоторые косвенные данные, взятые преимущественно из так называемых башкирских шеджере.

Однако данные шеджере о миграции «башкирских» племен в юго-западные районы Казанского ханства и рассказы о заключении договоренностей отдельных предводителей этих племен с казанскими ханами зачастую уникальны и не находят подтверждения в группе независимых источников. К примеру, Р.Г. Кузеев, ссылаясь на шеджере, пишет, что башкирский Кара-Табын-бий «переселился в долину р. Чулман, где стал служить казанскому хану Чуртмаку» [13, с.281]. При этом из источников XV–XVI вв. ничего не известно о правлении казанского хана «Чуртмака» и ханском жаловании «Кара-Табын-бия». Но основная проблема не только и даже не столько в достоверности «башкирских» шеджере, а в том, что эти родословные были записаны преимущественно в XIX–XX вв., когда племена усерган, бурджан, тамьян, табын и другие этнические группы Южного Урала уже вошли в категорию «башкирцев». При этом исследователь не учитывал, что события, описанные в шеджере, восходят к временам, когда процесс формирования башкирской общности был еще далек от завершения и многие из этих племен еще не вошли в нее. Источники, относящиеся к эпохе Казанского ханства, указывают на то, что племена юго-восточных тюркоязычных кочевников еще не назывались башкирами, башкирцами или башкортами.

Так, императорский посол С.Герберштейн, дважды побывавший в Московском государстве (1517, 1526 гг.) и, по различным документам и сведениям очевидцев, изучивший Московию и остальную часть бывшего Улуса Джучи, писал, что Казанское ханство «с востока и юга» «ограничено пустынными степями», «за казанскими татарами, прежде всего, встречаем татар (но не башкир – А.А.), зовущихся ногаями», которые «живут за Волгой, около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающему из области Сибирской» [6, с.180].

Автор «Казанской истории» так обозначил юго-восточные земли Казанского ханства, унаследованные им от «малых болгар»: «за Камою, промеж великия реки Волги и Белыя реки Воложки до великия Орды Нагайския». При этом в заключительной части «Истории» находим упоминание о «башкирских улусах», которые находились «за 700 верст за Казань» [17,

---

¹ За исключением сообщений М.Меховского и А.Кампензе, текст последнего заимствован из сочинений М.Меховского или общего источника.

стб.186], причем под «за Казаньем» понимались земли, находившиеся к северо-востоку от Казани, тогда как территория нынешней Башкирии располагалась в другой стороне. Следовательно, описания юго-восточных окраин Казанского ханства не содержат упоминаний о башкирах, а известие о «башкирских улусах» локализует их у северо-восточных границ ханства, что никак не относится к территории современной Башкирии.

В Московском летописном своде конца XV в., содержащем описание военного похода к р. Белой в 1468 г., не говорится о столкновении с башкирами, а упоминается лишь об «избиении» здесь «черемис» и «татар». Предводителем татарского отряда был княжеский сын «Тарханов» по имени «Тулазий» [18, с.280]. Исходя из этого сообщения, некоторые исследователи делают вывод, что Тулазий был тарханом, а тарханами якобы были только башкиры. Хотя указывается, что Тулазий был воеводой татар. А тарханы – это привилегированная категория населения, освобожденная от уплаты податей, в эту социальную категорию могли включаться представители совершенно разных этнических общностей. О том, что между тарханами и башкирами нельзя ставить знак равенства, говорит Духовная грамота Ивана IV от 1572 г. и ряд других документов, где тарханы упоминаются наряду с «башкирдами» как отдельная категория населения [8, с.439].

Для наглядности некорректного использования данных шеджере приведем еще один пример из работы Р.Г. Кузеева. Согласно ему, данные шеджере о переселении племени ирэкте в конце XV – начале XVI вв. «с долины р. Миасс на берега Камы (Чулман) или Ика» подтверждаются грамотой Сахиб-Гирея от 1523 г., так как в ней, как и в шеджере, фигурирует некий Шейх-Ахмед (по шеджере Ахмат-Шайех-бий) [13, с.319–320]. Однако при внимательном изучении этих источников сразу же обнаруживаются контраргументы. Во-первых, кроме этого имени и единственного топонима – притока Камы, реки Ик, – рассказ шеджере с ярлыком Сахиб-Гирея ничего не связывает. К тому же имена, указанные в источниках, не тождественны, а слово «Ик», по замечанию В.В. Трепавлова, «вписано» в документ «другими чернилами и другой рукой» [12, с.919–920]. Во-вторых, ни в этой грамоте, ни в копии грамоты хана Ибрагима, сохранившейся в составе документов последней четверти XVII в., мы не находим наименований башкорт, башкирец или башкир. Следовательно, сведения башкирских шеджере, при условии их верификации источниками XV–XVI вв., можно использовать в исторических реконструкциях только с учетом того, что относительно изучаемого периода эти родословные в основном повествуют о золотоордынских тюрко-татарских племенах, еще не вошедших в башкирскую общность, но уже занимавших значительную часть территории современной Башкирии и сопредельных регионов и таким образом влившихся в состав таких позднеджучидских государств, как Казанское ханство, Ногайская Орда и Тюменское ханство (государство сибирских Шибанидов).

Однако не только источники XV–XVI вв., но и более ранние авторы не связывают средневековых башкир с территорией Белебеевско-Бугуль-

минской возвышенности. Сообщения Ибн Фадлана (922 г.), Юлиана (1235 г.), Иоганки Венгра (1320 г.), ал-Омари (нач. XV в.) и некоторых других авторов не содержат конкретных географических ориентиров, а в работах Идриси (1154 г.), братьев Пицигано (1367 г.), на Каталонской карте мира (1375–1377 гг.) места проживания средневековых башкир обозначены по р. Каме [1, с.79], что вполне коррелируется с упомянутыми данными XV–XVI вв.

Поэтому при описании средневекового этапа этногенеза башкир Р.Г. Кузеев зачастую прибегал к экстраполяции данных XVIII–XIX вв. об отдельных этно-родовых подразделениях, входивших в состав сословной группы «башкирцев» («Башкирско-Мещерякское войско» / «Башкирское войско»). Впрочем, на страницах его работ сложно найти ссылки даже на эти поздние документы.

По словам Р.Г. Кузеева, древнебашкирские племена появляются в Волго-Уральской области в конце VIII – первых десятилетиях IX в. «В составе новой волны кочевников были племена усерган (муйтен), бурзян, тангаур, байлар, тамьян, бишул, ун, кудей, роды сураш, ягалбай и, возможно, северные племена сынрян, уран» [15, с.401]. Согласно мнению ученого, эти племена были тюркоязычными и их объединял этноним «башкорт». Придя в Приуралье из Средней Азии, они постепенно ассимилировали местные угорские племена и вступили во взаимодействие с булгарами.

По заверению Р.Г. Кузеева, башкирское племя айлинцев переселилось на северо-восток современной Республики Башкортостан еще в X–XII вв. из Зауралья. В XIII–XIV вв. на эту же территорию с запада пришли племена катый и табын [14, с.168]. «Общая численность северо-восточных башкир к концу XVIII в. составляла около 70–85 тыс. человек» [14, с.165].

Чуть позже, в XV–XVI вв., в Приуралье появились башкиры-минцы, которые якобы «заняли весь бассейн р. Демы, ассимилировав в своем составе оставшиеся здесь группы ногайцев». Однако, говоря о численности этой группы, Р.Г. Кузеев вновь обратился к данным за XVIII в.: «Численность минцев в XVIII в. составляла около 12–15 тыс. человек» [14, с.169].

Более пространны рассуждения исследователя об историческом движении так называемых северо-западных башкир: «До конца XII в. основным районом расселения северо-западных башкир остается юго-западное Приуралье, к югу от р. Белой. Массовое продвижение башкирских племен на север начинается с конца XII в. и продолжается до XVI в., когда башкиры достигают течений рек Тулва, Сылва, Бисерть, верховьев Чусовой» [14, с.172]. К этой группе башкир Р.Г. Кузеев отнес следующие племена: буляр, байлар, юрми, ирэктэ, еней, гэрэ, киргиз, елан, ельдяк, канлы, дуваней, каршин, таз, уваныш, уран, гайна или тархан, балыксы, ун, танып. В конце этого списка исследователь в очередной раз привел данные о численности башкир за XVIII в. (!) [14, с.171].

Как было отмечено выше, сохранились данные о том, что в XV–XVI вв. башкиры населяли Пермское Прикамье (бассейны рек Тулва, Сылва, Бисерть, Чусовая), но нет сведений о том, что они проживали на терри-

тории современной Башкирии в Средние века. И уж тем более нет никакого смысла говорить об упоминании синхронными источниками вышеупомянутых племенных подразделений в составе средневековых башкир. Очевидно, именно поэтому Р.Г. Кузеев на этих страницах не привел ссылки на источники. В его рассуждениях неоднократно всплывают лишь упоминания о данных за XVIII в., но опять же без конкретных ссылок. Не трудно догадаться, что речь идет о материалах переписей ясачного населения. Но как эти документы позволили исследователю «реконструировать» средневековую племенную структуру? Общеизвестно, что в дореволюционной статистике не столько учитывали этничность, сколько социальный статус населения, а племенные обозначения практически не фиксировались. Однако Р.Г. Кузеев выдал за племенные наименования названия волостей. Конечно, учитывая, что русское слово «волость» происходит от тюркского слова «улус», которым, прежде всего, обозначали кочевое население, некоторые волости можно сопоставить с родоплеменными обозначениями. Однако большая часть Белебеевско-Бугульминской возвышенности была не пригодна для сезонного кочевания, ее население занималось промыслами и земледелием, к периоду русского владычества здесь уже сложились соседские общины, поэтому волость чаще всего обозначала поземельную, а не родовую единицу. Следовательно, такой подход может быть оправдан лишь в случае, если название определенной волости употреблялось бы в качестве родоплеменного наименования в других источниках.

Во многих случаях волости, особенно на северо-западе Уфимского уезда, где преобладало оседлое мусульманское земледельческое население, были поземельными административными единицами, и их названия источники не связывают с какими-либо родоплеменными объединениями.

Например, Р.Г. Кузеев впервые начал писать о существовании башкирского племени ельдяк. Однако в источниках данный этноним не фиксируется. Очевидно, что название волости и населенных пунктов с корнем «ельдяк» происходит от гидронима – названия р. Ельдяк [20, с.36] (возможно, уменьшительно-ласкательная форма от тат. «елга» – река).

Аналогичным образом дело обстоит с племенем еней. Существование в русский период Енейской волости дало право Р.Г. Кузееву говорить о башкирском племени еней, происхождение которого связывалось с древнененгерским племенем *jeпо*. Однако в источниках речь идет лишь о волости, название которой только фонетически можно связать с древнененгерским этнонимом. То есть не существует никаких исторических свидетельств о связи древнененгерского племени *jeпо* с названием административной единицы в составе Уфимского уезда, между ними огромный хронологический и географический разрыв. В письменных источниках упоминается, что племя *jeпо* появилось на 1000 лет раньше, чем Енейская волость, и располагалось на 3000 км западнее. Поэтому более убедительным является объяснение происхождения названия еней от тюрко-татарских имен Янай, Янгали, Янгилде, Янтуган и т.п. [3, с.24], распространенных среди приуральского и зауральского тюркоязычного населения в XVII в., что полностью коррели-

руется с данными самого раннего предания об этой волости, опубликованного в журнале «Шура» в 1909 г. Согласно этому преданию, «примерно 300 лет назад» некий Еней-бабай, покинув свою родину на р. Ай и обосновавшись на рр. Агидель и Чулман (Кама), «занял землю в сто тысяч десятин, стал хозяином всех здешних лесов». Здесь необходимо обратить внимание на то, что в предании ни слова не сказано о существовании рода или племени еней, более того, четко говорится, что Енейская волость получила свое название от имени первого землевладельца Еней-бабая, а не от какого-либо родоплеменного подразделения [9, с.21].

При экстраполяции данных XVII–XIX вв. на средневековую историю башкир Р.Г. Кузеев не принял во внимание и масштабные миграционные процессы, произошедшие в Приуралье в период установления московской власти. В 1557 г. в результате похода русских войск вдоль Казанского ханства до верховьев р. Камы часть башкир приняла русское подданство, а другая – мигрировала в Зауралье и впоследствии попала под власть хана Кучума и его потомков [11, с.240, 259, 433]. Однако в XVII в. калмыки начали вытеснять башкир и ногайцев из Южного Зауралья и Северного Прикаспия [16, с.94, 95]. В этот период источниками фиксируется переход башкир под юрисдикцию уфимских воевод. Вместе с башкирами земли в Уфимском уезде получили и ногайские татары, записанные в ясачные книги как «ногайские башкирцы», а впоследствии просто «башкирцы». Часть кочевников переходила к оседлому образу жизни, другие – возвращались в кочевья при возникновении благоприятных условий, когда опасность со стороны калмыков уменьшалась.

Еще Г.Ф. Миллер, А.-З. Валиди Тоган и другие дореволюционные исследователи, приводя выдержки из документов воеводской канцелярии, писали о процессе вхождения башкир и ногаев под протекторат уфимских воевод в XVII веке [16, с.95; 4, с.45, 46]. Поэтому весьма симптоматично, что Р.Г. Кузеев, представляя этно-родовой состав средневековых башкир на основе более поздних источников, не учитывал, что многие зафиксированные в них племена в средневековый период могли не входить в состав башкир. Особенно это касается гэрэ (герей), киргиз, табын, кыпчак, канлы и других племен, которые известны по родоплеменной номенклатуре татар, казахов, каракалпаков и других сопредельных тюркских народов Волго-Уралья и Средней Азии.

В XVIII в. в связи с резким увеличением потока мигрантов из Среднего Поволжья этническая карта Приуралья претерпела еще более серьезные изменения, численность населения Уфимского уезда к концу XVIII в. увеличилась в десятки раз. Так, казанский губернатор А.П. Вольский в 1730 г. докладывал в Сенат, что за 20 лет численность «башкир» увеличилась с 35000 до 100000 человек за счет того, что «казанские, сибирские, темниковские и протчих тамошних уездов ясашние татара, большая половина в башкиры перешли, к тому ж и протчие иноверцы, мордва, чувашы, черемиса, вотяки целыми селами и деревнями с ясаков туда ж перешли...

а ныне уже и русских немалое число от подушных податей беглецов в башкиры перешло» [10, с.399].

Эта информация подтверждается автором сочинения «Хикайат», в котором со слов очевидцев подробно рассказывается о восстании, вспыхнувшем в башкирском крае в 1735–1740 гг. По мнению И.Р. Гибадуллина, это произведение было написано «спустя небольшой промежуток времени после Пугачевского восстания (1770–1780-е гг.), до учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания в 1787 г.» [7, с.690]. Согласно этому источнику, «большинство казанских чувашей и кунгурских чувашей, племя язычников (перс. муган) и уржумских христиан не выдержали всяческих притеснений и сбежали от смуты гявуров² к башкуртам, находили приют у одной из групп (силсила) башкуртов, обретали спасение и избавление, а [те] их укрывали, записывали в тетрадах башкуртов и показывали гявурам» [7, с.699]. О том, что выходцы из Поволжья и других регионов в этот период записывались в «башкиры» свидетельствуют и другие документы³.

Таким образом, пришлое население оседало в Приуралье, не только сохраняя свой прежний этносоциальный статус, но и переходя в «башкирцы». Учреждение Башкирско-Мещеряжского войска стало важной вехой в формировании сословной группы «башкирцев», поскольку обозначились новые сословные привилегии и легализовался переход в это «состояние». Башкирское войско вместе с казаками должно было нести службу по охране границ. В целом учреждение новой военно-служилой группы соответствовало задачам по укреплению позиций Российской империи в Средней Азии. В конце XVIII – начале XIX вв. в Башкирское войско записывались калмыки, киргиз-кайсаки (казахи), сарты, бухарцы и представители прочих народов [20, с.12–13]. К примеру, в 1816 г., в ходе VII ревизии, в д. Катаево (современный Бакалинский район РБ – А.А.) причислили к «башкирцам» киргиза Исянгильду Мингалиева и турка Акмирзу Даутова [20, с.12].

Однако еще более массово в «башкиры» переходили ясачные татары, служилые татары, тептяри, бобыли и представители других сословных категорий Волго-Уралья, в основном являвшиеся этническими татарами. Статус «башкирца» сулил его обладателям вотчинные права на землю и прибавку надела до 40 десятин на душу мужского пола, поэтому тысячи

---

² «Автор называет русских персидским словом «гавр/гур» (گور), которое в своей изначальной форме «габр» (گبر) обозначало зороастрийцев, но со временем стало распространяться на всех немусульман. В русский язык вошло в форме «гявур/гяур» через турецкий язык (gâvur)» (Прим. переводчика – И.Р. Гибадуллин, см.: [7, с.693]).

³ См. напр. донесение Статского советника Ивана Кириллова (Материалы о «башкирском возмущении» 1735 г.): «из Казанского и других уездов беглецам селитца, коих называли тептярами и бобылями, из которых многих под свое имя башкирское вписали, а воеводы ничего того не смотрели» (РГАДА. Ф.248. Д.169. Л.602).

жителей края стремились к обретению этого социального положения, а случаев обратного перехода из «башкирского состояния» было очень мало [20, с.13]. Масштабы этой социальной трансформации отражены в статистических материалах. Резкий рост численности «башкирцев» в XVIII–XIX вв. невозможно объяснить фактором естественного прироста населения. Поэтому неплодотворными являются и попытки Р.Г. Кузеева установить численность определенных групп башкирских родов на основе материалов ревизий XVIII–XIX вв.

Таким образом, при изучении родоплеменного состава, территории и численности средневековых башкир экстраполировать данные источников XVII–XIX вв. можно лишь с большим количеством оговорок. Однако, как было показано выше, Р.Г. Кузеев смело использовал эти источники, сформировав у читателя довольно четкое представление об истории средневековых башкир. Причем эти позднейшие источники связывали «башкирцев» с Белебеевско-Бугульминской возвышенностью, которая, согласно Р.Г. Кузееву, с конца I тысячелетия н.э. является территорией формирования башкирского народа. А источники XV–XVI вв. локализуют башкир в Пермском Предуралье и указывают на то, что после завоевания Казанского ханства часть башкир мигрировала. Но эти данные о местоположении башкир в средневековый период и о сложных миграционных процессах не укладывались в советский идеологический дискурс о многовековом проживании башкир на территории БАССР. Более того, даже осторожное предположение Р.Г. Кузеева о том, что около тысячи лет назад этнический костяк башкир мигрировал на территорию Белебеевско-Бугульминской возвышенности из Средней Азии, пошатнул утвердившиеся в советской науке представления об автохтонности народов. Поэтому в 60–70-х гг. прошлого века концепция Р.Г. Кузеева была воспринята как новаторская и имеющая научный потенциал. Но наука движется вперед, и представленные в статье материалы показывают, что этногенетический дискурс Р.Г. Кузеева хорошо вписывается в советскую парадигму нациестроительства, но не согласуется с данными синхронных источников. Следовательно, в основательном пересмотре нуждаются и представления многих ученых и публицистов об истории волго-уральских и сибирских народов, построенные на некритическом восприятии взглядов Р.Г. Кузеева.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 308 с.
2. Антонов И.В. Раиль Гумерович Кузеев об этнической истории Волго-Уральского региона в эпоху средневековья. СПб.: ООО «Своё издательство», 2015. 248 с.
3. Әхмәтҗанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 324 с.
4. Валиди Тоган А.-З. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.

5. *Габдрафиков И.М.* Значительная часть башкирской элиты лишь номинально была и остается башкирами [Электронный ресурс]. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/545811?fbclid=IwAR1W25KkGdb9QKoa5RkNuWq1yPgBToTRtC16yV3Qyi9FS3W0bnxqiQOrs6k> (дата обращения: 07.02.2023).

6. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

7. *Гибадуллин И.Р.* Анонимное персидское сочинение «Хикаят»: источник по истории Волго-Уралья // Золотоордынское обозрение. 2019. Т.7, №4. С.687–719. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.687-719

8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.. М.; Л.: АН СССР, 1950. 597 с.

9. Еней-бабай // Шура. 1909. №1. С.21–22.

10. Записки о положении башкирского вопроса в Российской империи и о полученных способах его разрешения, составленная казанским губернатором Артемием Петровичем Волинским (1730 г.) // История Татарии в материалах и документах. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1937. С.398–401.

11. История татар Западного Приуралья. Т.1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 464 с.

12. История татар с древнейших времен в семи томах. Т.IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 1112 с.

13. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука., 1974. 578 с.

14. *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Китап, 2009. 296 с.

15. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. 560 с.

16. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т.II. М.; Л.: АН СССР, 1937. 637 с.

17. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т.19. История о Казанском царстве. М.: Языки русской культуры, 2000. 529 стб.

18. ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: АН СССР, 1949. С.463 с.

19. *Потанов Л.П.* Рец.: Р.Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения // Вопросы истории. 1977. № 1. С.153–156. URL: https://portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1501861451&archive=1690135444&start_from=&ucat=& (дата обращения: 06.05.2023).

20. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 192 с.

Информация об авторе:

Аксанов Анвар Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8970-5880; e-mail: aksanov571@gmail.com

Поступила 05.06.2023

Принята к публикации 25.07.2023

The History of medieval Bashkirs
in the ethnogenetic discourse of R.G. Kuzeev

A.V. Aksanov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The ethnogenetic concept of R.G. Kuzeev, according to which the Belebeevo-Bugulma upland from the end of the 1st millennium A.D. is the territory of the formation of the Bashkir people, has established itself in historiography, and for several decades various researchers and publicists rely on it in their research. However, its main provisions are not verified. Sources of the 10th–15th centuries do not connect medieval Bashkirs (“bashgart”, “baskart”, “paskatir”) with the territory of the Belebeevo-Bugulma upland, and the sources of the 16th century localize the Bashkirs (“Bashkird”, “Bashkirs”) in the Perm Kama region. The composition and localization of the ethno-tribal divisions of the medieval Bashkirs were established by R.G. Kuzeev on the basis of data from sources of the 18th–19th centuries. But this extrapolation was carried out without taking into account the significant ethno-social changes that occurred in the 17th–18th centuries. Therefore, it is obvious that the concept of R.G. Kuzeev does not stand up to scientific criticism, and the ideas about the ethnogenesis of the medieval Bashkirs that have developed on its basis need to be substantially corrected.

Keywords: R.G. Kuzeev, medieval Bashkirs, ethnogenesis, tribal structure, Belebeevo-Bugulma upland, Perm Kama region

For citation: Aksanov A.V. The History of medieval Bashkirs in the ethnogenetic discourse of R.G. Kuzeev. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.3, pp.167–178. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.167-178> (In Russian)

REFERENCES

1. Antonov I.V. *Bashkirs in the Middle Ages*. Ufa: IP Galiullin D.A., 2012. 308 p. (In Russian)
2. Antonov I.V. *Rail Gumerovich Kuzeyev on the ethnic history of the Volga-Ural region in the Middle Ages*. St. Petersburg: Svoyo izdatelstvo LLC, 2015. 248 p. (In Russian)
3. Akhmetzyanov M.I. *Nogai Horde: the historical heritage of the Tatar people*. Kazan: Tatar Book Publ., 2009. 324 p. (In Tatar)
4. Validi Togan A.-Z. *History of Bashkirs*. Ufa: Kitap Publ., 2010. 352 p. (In Russian)
5. Gabdrafikov I.M. *A significant part of the Bashkir elite was and remains Bashkirs only nominally*. [Electronic resource]. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/545811?fbclid=IwAR1W25KkGdb9QKoa5RkNuWq1yPgBToTRtC16yV3Qyi9FS3W0bnxqiQOrs6k> (accessed: 07.02.2023) (In Russian)
6. Herberstein S. *Notes on Muscovy*. Moscow: Moscow State University Publ., 1988. 430 p. (In Russian)

7. Gibadullin I.R. Anonymous Persian essay "Hikayat": a source on the history of the Volga-Urals. *Golden Horde Review*. 2019, vol.7, no.4, pp.687–719. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.687-719 (In Russian, in Persian)

8. *Spiritual and contractual letters of the great and appanage princes of the 14th–16th centuries*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 597 p. (In Russian)

9. Eney-babai. *Shura*. 1909, no.1, pp.21–22. (In Russian)

10. Notes on the situation of the Bashkir question in the Russian Empire and on the received methods of its resolution, compiled by Kazan Governor Artemiy Petrovich Volynsky (1730). *History of Tatarstan in materials and documents*. Moscow: State Socio-Economic Publ., 1937. Pp.398–401. (In Russian)

11. *History of the Tatars of the Western Urals. T. I. Nomads of the Great Steppe in the Urals. Tatar medieval states*. Collective monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 464 p. (In Russian)

12. *The history of the Tatars since ancient times in seven volumes*. Vol. IV. The Tatar states of the 15th–18th centuries. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 1112 p. (In Russian)

13. Kuzeev R.G. *The origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of settlement*. Moscow: Nauka Publ., 1974. 578 p. (In Russian)

14. Kuzeev R.G. *Historical ethnography of the Bashkir people*. Ufa: Kitap Publ., 2009. 296 p. (In Russian)

15. Kuzeev R.G. *The origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of settlement*. Ufa: Designpoligrafservice Publ., 2010. 560 p. (In Russian)

16. Miller G.F. *History of Siberia*. Vol. II. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1937. 637 p. (In Russian)

17. *The Complete Collection of Russian Chronicles (PSRL)*. Vol.19. *History of the Kazan Kingdom*. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 2000. 529 p. (In Russian)

18. *PSRL*. Vol. 25. *Moscow Chronicle of the end of the 15th century*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1949. 463 p. (In Russian)

19. Potapov L.P. Review: R.G. Kuzeev. The origin of the Bashkir people. Ethnic composition, history of settlement. *Questions of history*. 1977, no.1, pp.153–156. URL: https://portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1501861451&archive=1690135444&start_from=&ucat=& (accessed: 06.05.2023) (In Russian)

20. *Tatars of the Ufa district (materials of the population censuses of 1722–1782): reference edition*. Ed. by R.R. Iskhakov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2020. 192 p. (In Russian)

About the author:

Aksanov Anvar Vasilievich – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8970-5880; e-mail: aksanov571@gmail.com

Received June 5, 2023

Accepted for publication July 25, 2023